

На правах диалога!

Вячеслав Иванов — Михаил Гершензон

Лев Гумилев — Александр Панченко

Лев Аннинский — Андрей Караулов

Кто следующий?

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 год, в № 1–12 за 2014 год,
в № 1–12 за 2015 год, в № 1–12 за 2016 год, в № 1, 2 за 2017 год

ОСКОЛКИ И ПЕСОК

И тут, едва мы пережили это черное Беловежье, Яковлев говорит Горбачеву:

— Плохо мы сделали самое главное — перестройку. Ни плана, ни цели... Что делаем — никто не знал. В итоге не перестроились, а развалились... (Дальше — внимание! — Л. А.) Россия, кстати, вообще не перестраивается, потому что наш народ перестроить невозможно. Пример все берут друг с друга, а нас — слишком много...

На вопрос: «Что же вы сделали в результате ваших перестроек?» — еще один ликвидатор Советского Союза Бурбулис отвечает, что и сам этого не знает.

Честно сказано.

Смысл повтора этой бессмыслицы в том, что она возникает в тексте Караулова сразу после Беловежского карнавала. Когда читатель, только что переживший доклад ельцинцев Бушу, остается с вопросом: что же остается от Союза?

На этот-то вопрос и отвечено: сколько Россию ни перестраивай, сколько ни меняй конкретных форм общежития, народ у нас — прежний, и именно состояние народа, сложившееся в ходе тысячелетней истории, остается неисправимым, неменяемым и спасительно-неодолимым.

Это очень важное уточнение!

Тут Караулов убирает ельцинских перестройщиков с авансцены и передает слово человеку,

который привержен не гримасам политиканства, а русской культуре в ее неодолимости, — великому артисту Борису Покровскому.

— Вот у вас бутылка... (Ну, туда же... Без бутылки ничего не объяснить... Но суть — дальше. — Л. А.).

— *Бутылка на то и бутылка, чтобы объем сохранить, чтобы напиток не разлился! Но если эту бутылочку с размаха сейчас да еще и об землю, о камни, она же разлетится к чертовой матери! Но зачем? Зачем ее разбивать? Осколки потом не соберешь, то есть придется нам, дуракам самонадеянным, по осколкам топтаться всю оставшуюся жизнь, ноги в кровь резать, потому как другой земли и других осколков у нас нет! Сто лет пройдет, сто, не меньше, пока мы эти осколки своими босыми ногами в песок превратим! А до тех пор, пока не превратим их в песок, мы все в крови будем. Все умоемся.*

Сильно сказано!

И не думайте, что от России советской остались одни осколки! Осталась сама Россия! Осколки — это тоже Россия! Будем же и осколки пускать в дело. А когда перетрем их в песок — в строительный песок! — что продолжим строить?

Да дом же!

КАК СТРОИТЬ?

С круплезнасть, с которой Караулов проследивает новейшие домостроительные проекты, поражает сочетанием грандиозной масштабности и щепетильной придирчивости.

Масштаб его хроники таков, что потребуются немалые усилия критиков, чтобы расценить опыт. Тем более что логика, мерцающая в этих двух томах, иногда ставится на дыбы — в соответствии с логикой самой российской реальности.

Караулов с удовольствием говорит, что у него веселая репутация:

«Каким-то чудом он убедил всех в мысли, что в журналистике он делает только то, что хочет, потому как знает обо всем — больше всех. Иногда имитирует “вольный треп на вольную тему”». На самом деле никакой это не треп, а психотерапия в полубезнадежном варианте. Провокационная «развязность» — чтобы раздражить собеседника. Ироничное «жеманство» — с той же целью. Игра во всезнайство, сквозь которое видна упрямая попытка понять продолжающуюся историю страны — то, что мы собираемся строить на обломках.

Продолжение следует.